

«Я хочу только одного — быть дочерью Вертинского»

(Начало на 3 стр.)

ласно строгостям того времени залив дыхание, ждали из уст папы приговора. Неужели расстрел? Но хитрягу Клафердона не расстреляли и не посадили на цыпочках, пытались обнаружить легендарного Клафердона.

— **Александр Николаевич, сам искал для своих «дочек» интересные развлечения?**
— Он много работал, но все отпуски проводил с семьей. Очень любили выезжать в Прибалтику. Снимали дачу в Дзинтари или в Дубулты. Папа давал концерты. Для нас там был настоящий привилег: море, мягкий бархатный песок и дуновение ветра. Потом, когда купили дачу под Москвой на станции Отдых, до потемок с сестрой гоняли на велосипедах. Чтобы как-то привязать нас к дому, папа привез телевизор, хотя сам терпеть его не мог...

— **Анастасия Александровна, сколько вам было лет, когда отца не стало?**
— Двенадцать с половиной. Мама стала зарабатывать на жизнь рисованием. Она окончила Суриковский институт. И хотя папа как истинный европеец предпочитал видеть жену дома, он не протестовал ее убеде. Знал, что разница в возрасте (более тридцати лет), разлучит их в земной жизни.

— **Трудно представить, как вы — такая утонченная эстетка — можете ходить с протанутой рукой?**
— Жалко наших подопечных. Ну как я им скажу завтра, что помощи не будет? Красненьш и просишь. Странно, что чем богаче люди, тем бездушнее. В старину все было по-другому,

ведь всякое даяние есть благо.

— **Теперь поговорим о ваших делах творческих. В чем вы сейчас заняты и где?**

— Периодически во Франции вместе с Александром Калыгиным веду под Парижем семинары со студентами и начинающими актерами, которые хотят узнать, что такое система Станиславского и как русские играют Чехова. Только что снялась у Дениса Евстигнеева в полуторжественной телеминиатюре о любви. К сожалению, нет надежды, что зрители когда-нибудь увидят мою последнюю большую работу в фильме «Мастер и Маргарита» по роману Булгакова. Сейчас на телевидении мною задумана авторская программа диалогов на разные темы с самыми непредсказуемыми людьми, в основном парижскими знакомыми. Хочется показать совершенно другой мир, где живут талантливые люди: серьезные и чудачки. Например, первый диалог с Жаком Сегела — «королем» рекламы, который прославился тем, что сделал в свое время яркий политический имидж Франсуа Миттеррана.

— **Чего вы ожидаете от этих диалогов?**

— Чтобы не скучали зрители.
— **А от жизни?**
— Мне приходится уже говорить, что хочу только одного — быть дочерью Вертинского. Могу порадовать тех, кто любит творчество отца. Фирмой RDM выпущен его компакт-диск. Сделан он в стиле старой потертый граммофонной пластинки. Обложка оформлена выдающимся живописцем, нашим соотечественником, живущим сейчас во Франции, Рустамом Хамдамовым. Это записи ранних песен Александра Николаевича. В 20-х годах молодой Вертинский появился на маленькой эстраде в костюме Пьеро. С трагической маской на лице он запел свои маленькие песенки-ариейки, или, как он сам их называл, «Печальные песни Пьеро». На его афишах в нижнем углу стояли загадочные три цифры «XXX». Может быть, он мечтал о том, чтобы его голос звучал и в XXX веке?

— **Татьяна КОНСТАНТИНОВА.**

«...Мое творчество родилось из любви к русскому языку, в котором я чувствую и пою не только каждое слово, но и каждую букву. Представьте себе, например, что я хотел бы написать музыку к фразе: «Жили-были старик со старухой у самого синего моря», — говорил Вертинский. — Я написал бы ее так, чтобы в ней ощущалась синева моря и нереальность сказки».

Из письма Вертинского замминистра культуры СССР Кафтанову. 1956 год (за год до смерти).

«Я уже по четвертому и пятому разу обехал нашу страну. Я пел везде — и на Сахалине, и в Средней Азии, и в Запоярье, и в Сибири, и на Урале, и в Донбассе, не говоря уже о центрах. Я заканчиваю уже третью тысячу концертов. В рудниках, на шахтах, где из-под земли вылетают черные, пропитанные углем люди, ко мне приходят за кулисы совсем простые рабочие, жмут мне руку и говорят: «Спасибо, что Вы приехали! Мы отдохнули сегодня на Вашем концерте. Вы открыли нам форточку в какой-то иной мир — мир романтики, поэзии, мир, может быть, который стремился душа каждого человека! И которого у нас нет (пока)».

Все это дает мне право думать, что мое творчество, пусть даже и не очень «советское», нужно кому-то и, может быть, необходимо. А мне уже 68-й год! Я на закате. Выражаясь языком музыкантов, я иду на «код». Сколько мне осталось жить? Не знаю, может быть, три-четыре года, может быть, меньше. Не пора ли уже признать? Не пора ли уже посчитать с той огромной любовью народа ко мне, которая, собственно, и держит меня, как полплавка, на поверхности и не дает утонуть?

Все это мучает меня. Я не тщеславен. У меня мировое имя, и мне к нему никто и ничего прибавить не может. Но я русский человек! И советский человек. И я хочу одного — стать советским актером. Для этого я и вернулся на Родину. Ясно, не правда ли? Вот я и хочу задать Вам ряд вопросов:

1. Почему я не пою по радио? Разве Ив Монтан, языка которого никто не понимает, ближе и нужнее, чем я?
2. Почему нет моих пластинок? Разве песни, скажем, Бернеса, Утесова выше моих по содержанию и качеству?
3. Почему нет моих нот, моих стихов?
4. Почему за 13 лет нет ни одной рецензии на мои концерты? Сигнала нет? Я получаю тысячи писем, где меня спрашивают обо всем этом. Я молчу.

...Странно и неприятно знать, что за границей обо мне пишут, знают и помнят больше, чем на моей Родине! До сих пор за границей моих пластинок выпускают около миллиона в год, а здесь из-под полы все еще продают меня на базарах «по блату» вместе с вульгарным кабацким певцом Лещенко.

Как стыдно ходить и просить, и напоминать о себе... А годы идут. Сейчас я еще мастер. Я еще могу! Но скоро я брошу все и уйду из театральной жизни... И будет поздно, и у меня останется горький осадок. Меня любил народ, и не заметили его правители.
Ваш Александр Вертинский.

Рождество

Рождество в стране моей родной, Синий праздник с дальнею звездой, Где на паперти церквей в метели Вихри стелют ангелам постели.

С белых клиросов взлетает волчий вой...
Добрый праздник, старый и седой.
Мертвый месяц щерит рот кривой,
И в снегах глубоких стыннут ели.

Рождество в стране моей родной,
Добрый дед с пушистой бородой,
Пахнет мандаринами и елкой
С пушками, хлопушками в кошелке.

Детский праздник, а когда-то мой.
Кто-то близкий, теплый и родной
Тихо гладит ласковой рукой.

...Время унесло тебя с собой,
Рождество страны моей родной.

Песенка о моей жене

Надоело в песнях душу разбазаривать,
И с концертов возвращаться к себе домой,
Так приятно вечерами разговаривать
С своей умницей, веселенькой женой.
И сказать с улыбкой нежной и заученной:
«Ах ты, чижик мой, бесноватый и смешной.
Ничего, что я усталый и замученный,
И немножко сумасшедший и больной».

Ты не плачь, не плачь, моя красавица,
Ты не плачь, женулька-жена,
В нашей жизни многое не нравится,
Но зато в ней столько раз весна!

Чтоб терпеть мои актерские наклонности,
Нужно ангельским терпением обладать,
А прощать мои дежурные влюбленности,
В этом тоже надо что-то понимать!..
И, целую ей затылочек подстриженный,
Чтоб вину свою загладить и забыть,
Моментально притворяешься обиженным,
Начиная потихоньку напевать:

«Ну не плачь, не плачь, моя красавица.
Ну не злись, женулька-жена,
В нашей жизни все еще поправится!
В нашей жизни столько раз весна!»

А потом пройдут года, и Вами брошенный,
Постаревший, жалкий и изношенный,
Никому уже не нужный и изношенный,
Я, как прежде, возвращусь к себе домой.
И скажу с улыбкой жалкой и заученной:
«Здравствуй, чиженька, единственный и мой!
Ничего, что я усталый и замученный,
Одиноким, позабытый и больной».

Ты не плачь, не плачь, моя красавица!
Ты не плачь, женулька-жена!
Наша жизнь уж больше не поправится,
Но зато ведь в ней была весна!

Чужие города

Стихи Р. Блох и А. Вертинского

Принесла случайная молва
Милые, ненужные слова...
Летний сад, Фонтанка и Невы.
Вы, слова заветные, куда?
Тут шумят чужие города
И чужая плещется вода.
И чужая светится звезда.

Вас ни взять, ни спрятать, ни прогнать.
Надо жить, не надо вспоминать...
Чтобы больно не было опять
И чтобы сердцу больше не кричать.

Это было... Было и прошло.
Все прошло и выгою замело,
Оттого так пусто и светло.
Вы, слова заветные, куда?
Тут живут чужие господа
И чужая радость и беда.
И мы для них чужие навсегда...

Мои дочери

У меня их две. Одной семь, другой восемь лет. Одну зовут Биби; другую — Настенька. Биби родилась в Шанхае, Настя — в Москве.

В это утро они сидели в пижамках на подоконниках, считая танки, проходившие по улице Горького, и как всегда ссорились.

— Ты китайка противная! — говорила Настя. — Ты родилась в Шанхае.

— Ну и что из этого? — спокойно возражала Биби. — Ну и родилась...

— А я — москвичка! Я родилась в Москве.

— Ну? — Вот тебя на Красную площадь не пустят, а я могу пойти!

— Почему?

— Потому, что я москвичка, а это праздник только для москвичей!

Я нахожу, что пора вмешаться.

— Это праздник для всех трудящихся, — говорю я.

— Для всех?

— Да, для всех!

Но Биби защищается прорывом:

— Никакая ты еще не москвичка, — говорит она.

— Почему?

— Потому. Если голубь родился в конюшне — значит, он лошади? Москвичи — это те, которые живут 800 лет в Москве.

Настя потрясена. Она считает, сколько лет ей еще надо жить, чтобы считаться москвичкой. Я снова вмешиваюсь и разрываю вопрос. Разговор переходит на другую тему.

— Папа, — спрашивает Настя, — а детям можно ходить с демонстрацией?

— Можно.

— С мамами или одним?

— Лучше с мамами.

Биби — домашнее имя старшей дочери А.Н. Вертинского — Марианны.

Личная песенка

Что же мы себя мучаем?
Мы ведь жизнью научены...
Разве мы расстаемся на век?
Разве ты не любимая,
Разве ты не единая,
Разве ты не родной человек?

А ведь были же сладости
В каждом горе и радости,
Что когда-то делили с тобой.
Все, что сердце наполнило,
Мне сегодня напомнило.
Эта песня, пропетая мной.
Я всегда был с причудливой,
И тебе, моей голубенькой,
Я достаточно горя принес.
Не одну слезу я доченьку,
И тебя, мою доченьку,
Доводил, обижая до слез.
И, зная погрешность,
Был я только игрушкой
У жестокой судьбы на пути.
Расплатились наличными
И остались приличными,
А теперь, если можешь, прости.

Все пройдет, все прокатится,
Выйн же новое платье
И надень к нему шапочку в тон,
Мы возьмем нашу сумочку
И друг друга за ручечку,
И поедем в Буа де Булонь.
Будем снова веселыми,
А за днями тяжелыми,
Только песня помнит звезда.
Разве ты не любимая?
Разве ты не единая?
Разве ты не жена у меня?

Библиотека «Клубка»

Доченьки

У меня завелись ангелы,
Завелись среди белого дня.
Все, над чем я смеялся когда-то,
Все теперь восхищает меня!

Жил я шумно и весело — каюсь,
Но жена все к рукам прибрала,
Совершенно со мной не считаясь,
Мне двух дочек она родила.

Я был против. Начнут пеленки...
Для чего свою жизнь осложнять?
Но залезли мне в сердце девочки,
Как котят в чужую кровать!

И теперь с новым смыслом и целью
Я, как птица, гнездо свое вью
И порою над их колыбелью
Сам себе удивленно пою:

— Доченьки, доченьки,
Доченьки мои!
Где ж вы мои ноченьки,
Где вы соловьи?..

Много русского солнца и света
Будет в жизни дочурок моих,
И что самое главное — это
То, что Родина будет у них!

Будет дом. Будет много игрушек.
Мы на елку повесим звезду.
Я каких-нибудь добрых старушек
Специально для них заведу.

Чтобы песни им русские пели,
Чтобы сказки ночами плели,
Чтобы тихо года шелестели,
Чтобы детства — забыть не могли!

Правда, я постараюсь немного,
Но душой буду юн как они!
И просить буду доброго Бога,
Чтоб продлил мся грешные дни.

Вырастут доченьки
Доченьки мои...
Будут у них ноченьки,
Будут соловьи!

А закроют доченьки
Очень мои,
Мне спуют на кладбище
Те же соловьи!